

Потерянное колено этнометодологии

FITZGERALD R., HOUSLEY W. (EDS.) (2015). ADVANCES IN MEMBERSHIP CATEGORISATION ANALYSIS. LONDON: SAGE. XI, 194 P. ISBN 978-1-4462-7072-1 978-1-4462-7073-8

Андрей Корбут

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
 Центра фундаментальной социологии
 Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
 Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
 E-mail: akorbut@hse.ru

У этнометодологии (ЕМ) давно есть постоянная пара — конверсационный анализ (СА). Социологи уже более-менее привыкли писать их вместе: ЕМСА. Если конверсационный анализ — «бриллиант в этнометодологической короне»¹, то обусловлено это как историческими обстоятельствами их появления, так и методологическим единством их исследовательской политики. И хотя сегодня их отношения не безоблачны, ЕМ и СА продолжают оставаться двумя ветвями одной программы исследований, берущей начало в работах Гарольда Гарфинкеля и Харви Сакса 1950–1960-х гг. Однако — о чем известно гораздо меньше — есть и третья ветвь программы, так называемый анализ категоризации членства (membership categorization analysis, МСА) — изобретение Сакса, которое по ряду причин не получило должного внимания и развития. Сборник «Новые исследования в области анализа категоризации членства» относится к крайне немногочисленному семейству монографий, посвященных этому третьему этнометодологическому подходу. Собственно, это всего пятая книга в данной области за 50 лет. Первой была монография Лены Джейюси «Категоризация и моральный порядок» (1984)², второй — сборник «Культура в действии: исследования в области анализа категоризации членства» (1997)³, третьей — книга Джорджи Леппер «Категории в тексте и речи: практическое введение в анализ категоризации» (2000)⁴, четвертой — исследование Питера Эглина и Стивена Хестера «Монреальская резня: случай анализа категоризации членства» (2003)⁵. Вместе с тематическим номером журнала

© Корбут А. М., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-3-223-233

1. *Livingston E.* (1987). *Making Sense of Ethnomethodology*. London: Routledge & Kegan Paul. P. 74.

2. *Jayyusi L.* (1984). *Categorization and the Moral Order*. Boston: Routledge & Kegan Paul.

3. *Hester S., Eglin P.* (eds.). (1997). *Culture in Action: Studies in Membership Categorization Analysis*. Washington: University Press of America.

4. *Lepper G.* (2000). *Categories in Text and Talk: A Practical Introduction to Categorization Analysis*. London: SAGE.

5. *Eglin P., Hester S.* (2003). *The Montreal Massacre: A Story of Membership Categorization Analysis*. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press.

«Исследования дискурса» (2012)⁶ и немногочисленными разрозненными статьями это практически весь корпус работ по МСА. В сравнении с собственно этнометодологической литературой и тем более с литературой конверс-аналитической это очень мало. Такое пренебрежение темой тем более примечательно, что именно ею первоначально занимался Сакс. Его диссертация⁷, первые публикации⁸ и многочисленные лекции⁹ были посвящены анализу практик категоризации членства, из которого затем родился анализ такой речевой практики, как разговор. Появление сборника «Новые исследования в области анализа категоризации членства» лишний раз подтверждает, что хотя интерес к данной области по-прежнему сохраняется, релевантных исследований крайне мало. При этом все опубликованные в сборнике статьи указывают на огромный потенциал МСА.

Но прежде чем перейти к рассмотрению этого потенциала и способов обращения с ним, необходимо прорисовать фон, который придаст объем как замыслу сборника, так и его значению. Как уже было сказано, анализ категоризации членства был придуман Харви Саксом в начале 1960-х годов. Работая в проекте по изучению деятельности Лос-Анджелесского центра предотвращения самоубийств, куда его пригласил Гарольд Гарфинкель, Сакс начал анализировать записи звонков на телефон доверия в этом центре. Одна из вещей, на которую обратил внимание Сакс, заключалась в повторяющейся жалобе людей, размышляющих о или находящихся на грани самоубийства: им «не к кому обратиться». Диссертация Сакса была посвящена тому, каким образом люди приходят к подобному выводу, часто становящемуся основанием для совершения суицида. По мнению Сакса, в основе данного вывода лежит работа категоризации: потенциальный самоубийца мог бы, например, обратиться к кому-то из близких родственников, но зачастую не может этого сделать, поскольку в данном случае категория «люди, к которым можно обращаться с такими вопросами» совпадает с категорией «люди, которые не заинтересованы в признании того, что их близкий хочет покончить с собой», поскольку наличие у кого-либо суицидальных мыслей или поступков может восприниматься

6. *Stokoe E. H.* (2012). Moving Forward with Membership Categorization Analysis: Methods for Systematic Analysis // *Discourse Studies*. Vol. 14. № 3. P. 277–303; *Fitzgerald R.* (2012). Membership Categorization Analysis: Wild and Promiscuous or Simply the Joy of Sacks? // *Discourse Studies*. Vol. 14. № 3. P. 305–311; *Gardner R.* (2012). Enriching CA through MCA? Stokoe's MCA Keys // *Discourse Studies*. Vol. 14. № 3. P. 313–319; *Rapley T. J.* (2012). Order, Order: A «Modest» Response to Stokoe // *Discourse Studies*. Vol. 14. № 3. P. 321–328; *Silverman D.* (2012). Beyond Armed Camps: A Response to Stokoe // *Discourse Studies*. Vol. 14. № 3. P. 329–336; *Whitehead K. A.* (2012). Moving Forward by Doing Analysis // *Discourse Studies*. Vol. 14. № 3. P. 337–343; *Stokoe E. H.* (2012). *Categorial Systematics* // *Discourse Studies*. Vol. 14. № 3. P. 345–354.

7. *Sacks H.* (1966). *The Search for Help: No One to Turn to*. PhD dissertation. Berkeley: University of California, Berkeley.

8. *Sacks H.* (1967). *The Search for Help: No One to Turn to* // *Shneidman E. S.* (ed.). *Essays in Self-Destruction*. New York: Science House. P. 203–223; *Sacks H.* (1972). *An Initial Investigation of the Usability of Conversational Data for Doing Sociology* // *Sudnow D.* (ed.). *Studies in Social Interaction*. New York: Free Press. P. 31–74; *Sacks H.* (1972). *On the Analyzability of Stories by Children* // *Gumperz J. J., Hymes D.* (eds.). *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*. New York: Rinehart & Winston. P. 325–345.

9. *Sacks H.* (1992). *Lectures on Conversation*. Oxford: Blackwell.

в обществе (включая самих родственников) как свидетельство вины тех, к кому он должен обращаться в подобных случаях. В результате потенциальный самоубийца обнаруживает, что тот, к кому он должен обращаться за помощью в первую очередь, — это тот же, кто может считаться другими или считать сам себя виновников проблемы, с которой к нему обращаются, откуда делается вывод: «Мне не к кому обратиться».

В своей диссертации и ряде основанных на ней публикаций (которые Сакс хотел даже издать в виде отдельной книги, но потом отказался от этой идеи¹⁰) Сакс описывает «машинерию категоризации», т. е. социальные механизмы, с помощью которых обычные члены общества категоризируют других людей в разнообразных повседневных ситуациях. Категоризация, по его мнению, осуществляется с помощью того, что он назвал «механизмами категоризации членства» (*membership categorization devices*), которые представляют собой коллекции категорий, применяемых к определенным группам людей и/или к отдельным индивидам. Один из наиболее известных механизмов категоризации — «пол», включающий две категории — «мужчина» и «женщина». Разумеется, как и любой другой механизм категоризации, коллекция «пол» может меняться и в нее могут включаться новые категории, но это происходит не так уж легко и сегодня мы преимущественно оперируем двумя. Механизмы категоризации включают не только коллекции, но и правила их применения: правило экономии (для адекватной характеристики человека обычно достаточно одной категории) и правило консистентности (применяемый к одному члену группы механизм категоризации будет обычно применяться и к другим членам). Кроме того, Сакс показывает, что с любой категорией соотносится определенная деятельность (*category-bound activity*), которая считается «характерной» или «присущей» данной категории. В повседневной жизни мы используем механизмы категоризации как для чтения и понимания текстов, так и в разговорах или при восприятии обыденных сцен. В своих лекциях Сакс работал преимущественно с транскриптами разговоров, но хрестоматийным примером, на котором он продемонстрировал возможности МСА, стали два первых предложения из истории, рассказанной девочкой двух лет и девяти месяцев и опубликованной в сборнике «Дети рассказывают истории: анализ фантазии»¹¹. Это была фраза: «Ребенок заплакал. Мама взяла его на руки» (*The baby cried. The mommy picked it up*). Мы не будем останавливаться на виртуозном анализе данного высказывания Саксом; с ним можно ознакомиться в соответствующей статье¹² или в лекциях¹³. В качестве иллюстрации того, как работает анализ категоризации членства, можно привести более простой пример: заголовок новостного сообщения «Житель Пензы получил 19 лет за убийство жены под воздействием амфетамина»¹⁴. В этом за-

10. *Ibid.* Vol. 1. P. 802.

11. *Pitcher E. G., Prelinger E.* (1963). *Children Tell Stories: An Analysis of Fantasy*. New York: International Universities Press.

12. *Sacks.* On the Analyzability of Stories by Children.

13. *Sacks.* Lectures on Conversation. Vol. 1. P. 223–266.

14. <http://ria.ru/incidents/20160722/1472644210.html>

головке мы читаем «жену» как «жену жителя Пензы», а «житель Пензы» — как «убийца» и «муж убитой жены». «Под воздействием амфетамина» может читаться как «причина» убийства, «убийство» — как «убийство, совершенное этим жителем Пензы», а «получил 19 лет» — как «приговор суда». Каким образом мы приходим к такому прочтению? В данном заголовке используются три механизма категоризации членства: «семья» (включающий категории «муж» и «жена»), «преступники» (включающий категории «убийца» и «жертва») и «жители» (включающий категорию «житель Пензы»). Категории «муж» и «жена» отличаются тем, что в нашем обществе их носителем в какой-либо момент времени может быть только один человек: у мужа может быть только одна жена, а у жены — только один муж. При этом мы применяем данные категории консистентно: если мы характеризуем жертву убийства как жену, а убийцу — как мужа, то речь идет о жене этого мужа, а не чьей-то другой жене. Читая «житель Пензы» как «преступник», мы ориентируемся на ту деятельность, которая с ним связана: он «получил 19 лет». «Получающий 19 лет» — это преступник, поскольку именно преступники «получают» сроки. Соответственно, если он получил срок, то убийство, о котором говорится далее, — это и есть его преступление. «Убийство» и «получение срока» — это действия, характеризующие преступников. Что позволяет, в свою очередь, понимать фразу «под воздействием амфетамина» как указание на причину совершения преступления, а «амфетамин» (если мы не знаем, что это такое) — как «наркотик». Категория «житель Пензы» не относится ни к коллекции «преступники», ни к коллекции «семья». Тем не менее ее применение в данном случае тоже носит систематический характер. Вообще, как и категории вроде «пол» и «возраст», категория «житель» может быть применена к любому. Не все люди являются «мужем» или «женой», но все являются «жителями» (в том смысле, что где-то проживают)¹⁵. При этом с «жителями» не связано какой-то специфической деятельности, кроме собственно «проживания». Однако эта категория недоступна непосредственно, как в случае пола и возраста. Мы не можем сказать, глядя на человека, жителем чего он является. Поэтому категоризация кого-то как «жителя» может быть безопасным способом идентификации его в случае, когда речь не идет о его наблюдаемых характеристиках. В данном случае применение категории «житель Пензы» может быть связано еще и с тем, что речь идет о новостном заголовке, в котором географические категории играют особую роль (например, позволяя делить новости на «местные» и «международные»). Кроме того, то, что из заголовка видно, что речь идет о «России», может подсказывать читателю, как читать данный текст (например, что речь идет о «России-в-которой-запрещено-многоженство»). Поэтому одной категории «житель Пензы» оказывается достаточно для характеристики индивида, хотя эта категория не связана с двумя другими коллекциями. Категоризировав индивида как «жителя Пензы», мы получаем возможность дальше применять к нему любые другие механизмы категоризации (это становится ясно, если мы заменим «жителя

15. Это не исключает возможности того, что некоторые люди могут относиться к категории «люди без определенного места жительства».

Пензы» менее универсальной категорией, например, «сталевар»). «Новостность» заголовка — то, что описываемое в нем событие достойно того, чтобы быть социальным, — связана с двумя обстоятельствами, в основе которых тоже лежат механизмы категоризации. Во-первых, с категорией «муж» не связана деятельность «убийство», а с категорией жена — «смерть в результате убийства». Но при этом наличие между убийцей и жертвой родственных отношений создает специфический фон, подчеркивающий «необычность» преступления. Конечно, речь идет не о статистике убийств жен мужьями, а о различных механизмах категоризации членства. Тем не менее этого недостаточно, чтобы стать «новостью». Если бы заголовок был «Житель Пензы получил 19 лет за убийство жены», читателю было бы сложно понять, «что в этом такого», поскольку мы знаем, что в новостях сообщают «что-то такое». Поэтому — и это второе обстоятельство — в заголовке появляется уточнение «под воздействием амфетамина», которое придает происходящему новостной характер. Свою роль при этом играет как то, о каком именно веществе идет речь (оно не настолько известно, как некоторые другие виды наркотиков), так и то, что на убийство жены «жителя Пензы» толкнуло именно употребление наркотика (то есть убийство было специфическим образом «мотивированным»).

Как можно видеть из приведенного примера, механизмы категоризации членства используются как автором высказывания, так и его читателем/слушателем. При этом мы *достаточно часто* категоризируем членство других людей, хотя делаем ли мы это *всегда* — открытый вопрос. В любом случае категоризация других людей вполне легко может быть рассмотрена (и так первоначально и рассматривалась самим Саксом) как один из повседневных методов, изучением которых занимается этнометодология. Анализ категоризации членства, как и в дальнейшем конверсационный анализ, изначально находился в русле этнометодологических исследований. Однако, судя по лекциям Сакса, его интерес к изучению категорий постепенно вытеснялся интересом к структурным особенностям организации разговора, хотя в той или иной степени он все время возвращался к практикам категоризации. В результате МСА был отделен от СА, а затем оттеснен на периферию. Поэтому после внезапной смерти Сакса исследование механизмов категоризации почти прекратилось. Лишь небольшое число исследователей продолжали работать в этой области, расширяя изначальные концептуальные рамки, предлагая новые понятия, собирая эмпирические данные. Наиболее значимой фигурой в этом отношении является представитель Манчестерской школы этнометодологии Род Уотсон. В ряде статей 1970–1980-х годов¹⁶ он формулирует три важные темы, которые в дальнейшем задали направление развития МСА и,

16. Watson D. R. (1976). Some Conceptual Issues in the Social Identification of «Victims» and «Offenders» // Viano V. C. (ed.). Victims and Society. Washington: Virage Press. P. 60–71; Watson D. R. (1978). Categorization, Authorization, and Blame-Negotiation in Conversation // Sociology. Vol. 12. № 1. P. 105–113; Watson D. R. (1983). The Presentation of Victim and Motive in Discourse: The Case of Police Interrogations and Interviews // Victimology. Vol. 8. № 1-2. P. 31–52.

судя по рецензируемому сборнику, продолжают его определять. Первая тема — ситуативный характер практик категоризации. Это тема, которая в дальнейшем получила развитие в первой монографии, посвященной практикам категоризации — книге Лены Джейюси «Категоризация и моральный порядок», — возникает потому, что предлагаемый в работах Сакса способ анализа слишком легко поддается культурологической интерпретации: можно решить, что Сакс предлагает анализировать культурные механизмы (даже «стереотипы»), релевантность которых определяется членством в той или иной социальной группе. Уотсон указывает на необходимость противостоять такой интерпретации, поскольку релевантность членских категорий обеспечивается ситуативными практиками их применения, а не культурой. Отсюда возникает вторая тема, которую уже несколько десятилетий развивает в своих работах Уотсон¹⁷: необходимость совмещения секвенциального (последовательностного) анализа и анализа категоризации членства. Речь идет о том, что осмысленность и понятность механизмов категоризации членства основывается на том, как они связаны с последовательностью конкретных действий в конкретных ситуациях. Очевидный пример — очередь, в которой категории «первый в очереди» и «последний в очереди» соотносятся с относительным положением человека в последовательности других людей и в последовательности действий. Наконец, третье направление развития МСА — расширение понимания как коллекций категорий, так и связанных с ними атрибутов. Уотсон отмечает, что следует говорить не только, как Сакс, о категориально-связанных *видах деятельности*, но в целом о категориально-связанных *предикатах*: видах деятельности, мотивах, обязанностях, правах и т. д. При этом сами механизмы категоризации могут относиться не только к людям, но и неживым вещам или местам, т. е. могут быть *не-персонализированными*.

Эти направления развития МСА, получив определенную поддержку как в работах Уотсона, так и в работах других исследователей, до недавнего времени оставались, однако, «потерянным коленом» этнометодологии. Несмотря на публикацию лекций Сакса в 1992 году и попытки вернуть анализ категоризации членства в активный корпус этнометодологических исследований в последующие годы, обсуждение соответствующих тем и эмпирическая работа в данной области активизировались лишь недавно, не в последнюю очередь — под влиянием «кризиса формализации» в СА. Превратившись в обширную область исследований, привлекающую исследователей из самых разных дисциплин (в первую очередь — лингвистики, социологии и психологии), конверсационный анализ начал утрачивать изначальную связь с этнометодологией и все больше формализоваться, превращаясь в «нормальную» науку, занятую поиском и накоплением эмпирических фактов с помощью формальных методов анализа. Реакцией части конверс-аналитического сообщества на такую формализацию (опасность которой не перестают подчерки-

17. Помимо указанных работ см.: Watson R. (1997). Some General Reflections on «Categorization» and «Sequence» in the Analysis of Conversation // Hester S., Eglin P. (eds.). Culture in Action: Studies in Membership Categorization Analysis. Washington: University Press of America. P. 49–76.

вать «собственно» этнометодологи¹⁸) стал поиск новых концептуальных ресурсов, в том числе — обращение к «забытому» наследию Сакса: анализу категоризации членства. Сборник «Новые исследования в области анализа категоризации членства» — свидетельство и результат таких поисков.

Книга состоит из семи статей, пять из которых представляют собой эмпирические исследования, а две (включая введение) носят более концептуальный характер. Авторы — как конверс-аналитики, так и этнометодологи. Поскольку сборник предназначен прежде всего для фиксации состояния исследований в области анализа категоризации членства, между статьями мало общего, поэтому их можно рассматривать по отдельности.

Наиболее широкая, концептуальная и в определенном смысле проблематизирующая работа — статья Рода Уотсона «Дереификация категорий» (р. 23–49). Уже из названия видно, что Уотсон указывает на ключевую угрозу для МСА — реификацию и деконтекстуализацию категорий, превращение их само собой разумеющийся «запас социального знания», просто извлекаемый участниками взаимодействия в конкретных ситуациях. Такому пониманию Уотсон противопоставляет «не-иронические, анти-когнитивистские, праксеологические, контекстуально-чувствительные, натуралистские диспозиции» (р. 43) этнометодологических исследований, которые могут служить противоядием от формализации. В отличие от вводной статьи редакторов сборника Ричарда Фитцджеральда и Уильяма Хосли, где подчеркивается значение анализа категоризации членства для социологических исследований, например, для изучения идентичности, Уотсон указывает на то, что анализ категоризации членства не носит самостоятельный характер, это не отдельная дисциплина; он должен быть поставлен в ряд с собственно этнометодологией и конверсационным анализом как третье ключевое звено этнометодологических исследований, и, соответственно, его следует использовать в этнометодологических целях: для изучения повседневных способов ситуативной организации и производства социального порядка. Категоризация для Уотсона — средство методического достижения упорядоченности в каждой конкретной ситуации, а не «контекст» этой ситуации.

Статья конверс-аналитиков Элизабет Стокоу и Фредерика Аттенборо «Перспективная и ретроспективная категоризация: предложение категорий и выводы о категориях в социальном взаимодействии и новостных СМИ» (р. 51–70) изначально инспирирована стремлением показать полезность МСА для конверсационного анализа, поэтому авторы демонстрируют, что мы можем анализировать практики категоризации точно так же, как анализируются феномены организации разговора. Подробно анализируя обширный материал, начиная с обменов сообщениями

18. См.: *Livingston E.* (1987). *Making Sense of Ethnomethodology*. London: Routledge & Kegan Paul. P. 65–103; *Lynch M., Bogen D.* (1994). *Harvey Sacks's Primitive Natural Science // Theory, Culture & Society*. Vol. 11. № 4. P. 65–104; *Lynch M.* (2000). *The Ethnomethodological Foundations of Conversation Analysis // Text*. Vol. 20. № 4. P. 517–532; *Watson R.* (2008). *Comparative Sociology, Laic and Analytic: Some Critical Remarks on Comparison in Conversation Analysis // Cahiers de praxématique*. № 50. P. 203–244.

в Фейсбуке и заканчивая новостными сообщениями о террористической атаке в Норвегии, авторы показывают, что категоризация — это не практика «автоматического» применения готовых наборов категорий, а более гибкая и неопределенная деятельность, предполагающая предложение определенных категорий (или описаний, которые могут превращаться в категории), реакцию на них, их уточнение, отказ от них и т. д. Категории для них носят неискоренимо интеракционный характер, и в этом смысле можно утверждать, что категоризация подчиняется последовательности конкретных высказываний или действий. Отчасти такой тезис продолжает линию «дереификации категорий», намеченную Уотсоном, но при этом сам секвенциальный анализ не дереифицируется, а, наоборот, лишь усиливается. Стремясь показать, что поиск категорий в разговорах — это не «поиск иголки в стогу сена» (р. 56) (в том смысле, что не нужно перелопачивать горы эмпирического материала, чтобы обнаружить там практики категоризации), Стокоу и Аттенборо тем не менее ограничивают применимость анализа категорий членства, релевантность которых должна, с их точки зрения, основываться на их месте в последовательности реплик.

Статья Стокоу и Аттенборо направлена на решение одной более общей проблемы, с которой сталкиваются все, кто пытается анализировать практики категоризации членства: проблемы «ненаблюдаемости» категорий, точнее, их специфической наблюдаемости, отличающейся от прямой эмпирической наблюдаемости разговорных действий. Формальный конверсационный анализ строится на том, что поведенческие данные говорят сами за себя, что наблюдаемые феномены порядка разговора воспроизводятся из раза в раз в виде структурных эффектов, в силу чего можно собирать коллекции случаев, демонстрирующих определенный феномен. Однако работу категоризации с помощью такой процедуры обнаружить нельзя, поскольку категоризация не может быть сведена к совершению определенных эмпирически фиксируемых действий (хотя она *воплощается* в этих действиях). Работа категоризации заключается в производстве локального порядка, поэтому по отношению к ней всегда существует неопределенность: если категории не обязательно открыто упоминаются в разговоре, следует ли заключить, что категоризация осуществляется всегда, и не означает ли это, что исследователь приписывает наблюдаемым эмпирическим феноменам произвольные или здравосмысленные значения?

Один из способов избавления от этой двусмысленности демонстрируется в статье Кристиана Ликопа «Работа категоризации в суде: „основополагающий“ характер анализа категоризации членства» (р. 71–98). В этой работе Ликоп, анализируя видеозапись заседания комиссии по досрочному освобождению осужденных за тяжкие преступления, показывает, что анализ категоризации членства — это не практика, совершаемая исследователем, а практика самих обычных членов общества. Детально описывая, каким образом психиатр пытается добиться от осужденного за сексуальное преступление демонстрации того, понимает ли тот, что совершил что-то неправильное, и в чем именно эта неправильность, с точки зрения

осужденного, состоит, Ликоп показывает, что отнесение себя и других людей к определенной категории составляет эксплицитную основу практик производства морального порядка: «добропорядочность» понимается в повседневной жизни как понимание и умение применять практики категоризации (например, в данном случае принцип «нельзя вступать в сексуальные отношения с несовершеннолетними» предполагает использование коллекции «возраст»). Категории — это как *условие*, так и *объект* повседневных действий.

Иное направление развития МСА указывают Эдвард Рейнолдс и Ричард Фитцджеральд в статье «Оспаривание нормативности: переосмысление категориально связанных, привязанных и предикативных свойств» (р. 99–122). Анализируя различные случаи того, что они называют «провоцированием спорности» (*enticing the challengeable*)¹⁹, они показывают, что отношения между категориями и категориальными свойствами (которые Уотсон называет «предикатами») более сложны, чем полагали ранее. Они выделяют три типа таких отношений: категориальную привязанность, категориальную связанность и категориальную предикацию. Первая предполагает, что между категорией и определенным свойством (деятельностью, правом, обязанностью, мотивом и т. д.) устанавливается слабое, спорное отношение, создаваемое самими участниками взаимодействия. Это отношение может быть подвергнуто сомнению, отвергнуто или переформулировано. Вторая — категориальная привязанность — предполагает эксплицитное провозглашение перманентной связи между категорией и каким-либо свойством. Наконец, категориальная предикация предполагает имплицитное, «априорное» подразумевание такой связи. Подобное концептуальное различие позволяет схватить ряд интересных особенностей организации социальных взаимодействий, однако предполагает, что у анализа категоризации членства есть прочные основания, на которые можно опереться, чтобы идти дальше. Между тем странный статус МСА и его долгое забвение были связаны, вероятно, как раз с неопределенностью этих оснований, в частности с двумя вопросами: 1) насколько ситуативны практики категоризации? и 2) можно ли свести категории к формулировкам? Уточнение того, что связи между категориями и категориальными предикатами более сложны, чем казалось раньше, не снимает остроты этих вопросов.

Насколько эти вопросы актуальны, можно оценить по статье Шона Ринтела «Всерелевантность в технологизированном взаимодействии: совладание пар с искажениями в ходе видеозвонков» (р. 123–150). Предмет анализа — реакция пар на «зависания», «подтормаживания» и прочие сбои в ходе общения через специализированное приложение для дистанционной видеосвязи. Для описания практик совладания Ринтел использует термин «всерелевантность» (*omnirelevance*), предложенный Саксом. По мнению Сакса, во взаимодействии могут встречаться категории, которые «всерелевантны», т. е. всегда доступны для характеристики участников взаимодействия. Скажем, во время лекции «всерелевантными» являются

19. Эмпирическим материалом послужили ролики с YouTube, например, записи словесных перепалок между протестующими и их оппонентами.

категории, относящиеся к механизму «обучение»: «преподаватель» и «студенты». Ринтел показывает, что в случае взаимодействия пар таким всерелевантным механизмом является «парность» (*couple-ness*), которая в том числе позволяет участникам взаимодействия безопасно использовать различные формы «подшучивания» или «подкалывания» друг друга. Такие всерелевантные механизмы категоризации позволяют, по мнению Ринтела, в каждый момент времени понимать, «кто-мы-такие-и-что-мы-делаем» (р. 125). Однако по статье видно, что такое использование понятия всерелевантности имеет свои недостатки. Опасность наделения тех или иных механизмов всерелевантностью заключается в том, что исследователь может приписывать всерелевантность исходя из своего знания ситуации (например, своего знания того, что это «пара»), а не из ситуативных действий участников. Если участники никогда открыто не формулируют происходящее — не называют это «видеозвонком» и не называют себя «парой» — каким образом мы можем определить, какие категории всерелевантны для их взаимодействия?

Одним из способов ограничения произвола в приписывании определенных практик категоризации участникам ситуаций может быть буквализация категорий, т. е. изучения тех обстоятельств, где участники сами используют термин «категория». Именно такую стратегию применяют Уильям Хосли и Робин Джеймс Смит в статье «Категоризация членства и методологические рассуждения во взаимодействиях членов исследовательской команды» (р. 151–173). Хосли и Смит анализируют, каким образом междисциплинарная группа исследователей обсуждает категории («коды»), которые они применяют в процессе обработки большой базы транскриптов интервью. В этих обсуждениях часто возникает то, что авторы называют «головоломками реальности»: когда один ученый видит в данных (и применяет соответствующую категорию) то, что другой там не видит. В результате им приходится решать эту головоломку так, чтобы не ставить под вопрос осуществимость проекта. При этом ученые используют механизм категоризации «правильное кодирование», включающий такие категории, как «недостаточное кодирование» и «излишнее кодирование», однако авторов интересует именно того, как, согласовывая технические и моральные аспекты своей практики, ученые напрямую апеллируют к «категориям» как организационному аспекту их деятельности. Такое буквальное понимание категорий позволяет обойти стороной ряд болезненных вопросов, связанных с анализом категорий членства, однако не избавляет от них.

Какой же «диагноз» можно поставить МСА на основании данного сборника? Во-первых, происходит расширение области применения МСА в разговорном анализе. Однако часто это расширение происходит за счет подчинения практик категоризации формальным структурам разговора, конструируемым исследователем. Во-вторых, практики категоризации теперь рассматриваются не только как объект исследовательского внимания, но и как объект анализа, оценки, коррекции, стимулирования, сопротивления и т. п. самих участников повседневных ситуаций. Это открывает большие возможности в плане тематизации категорий

как ситуативных инструментов производства локального порядка. В-третьих, предпринимаются попытки уточнить понятийный аппарат МСА, однако эти попытки все еще недостаточно радикальны. Со времен Сакса серьезных прорывов (за исключением, пожалуй, того, что сделал Род Уотсон) в области концептуальных — точнее, описательно-эмпирических, «наблюдательных» — оснований МСА не было. Наконец, в-четвертых, благодаря «Новым исследованиям в области анализа категоризации членства» становится ясно, что наиболее продуктивным направлением дальнейшего развития МСА будет то, которое позволит рассматривать категории как конкретные достижения, а не универсальные механизмы. Категории не должны привлекаться для понимания происходящего в социальных взаимодействиях, а должны сами становиться объектом этого понимания.

Таким образом, каждая из представленных в рецензируемом сборнике работ не только предлагает интересные эмпирические наблюдения, касающиеся организации повседневных практик категоризации, но и указывает, в каком направлении должен развиваться анализ категоризации членства. Зачастую эти направления несовместимы, однако они в любом случае затрагивают круг важных вопросов, над решением которых стоит работать. Данный сборник убедительно показывает, что этнометодологические исследования не перестают развиваться, и возвращение к истокам этнометодологии может быть чрезвычайно продуктивным в плане обнаружения новых тем, проблем, объектов для анализа, понятий. Это доказывает, что первоначальный этнометодологический «импульс» не утратил своей радикальности и до сих пор способен порождать открытия в области исследований повседневной жизни.

The Lost Tribe of Ethnomethodology

Andrei Korbut

Senior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: akorbut@hse.ru

Review: Richard Fitzgerald, William Housley (eds.) *Advances in Membership Categorisation Analysis* (London: SAGE, 2015).